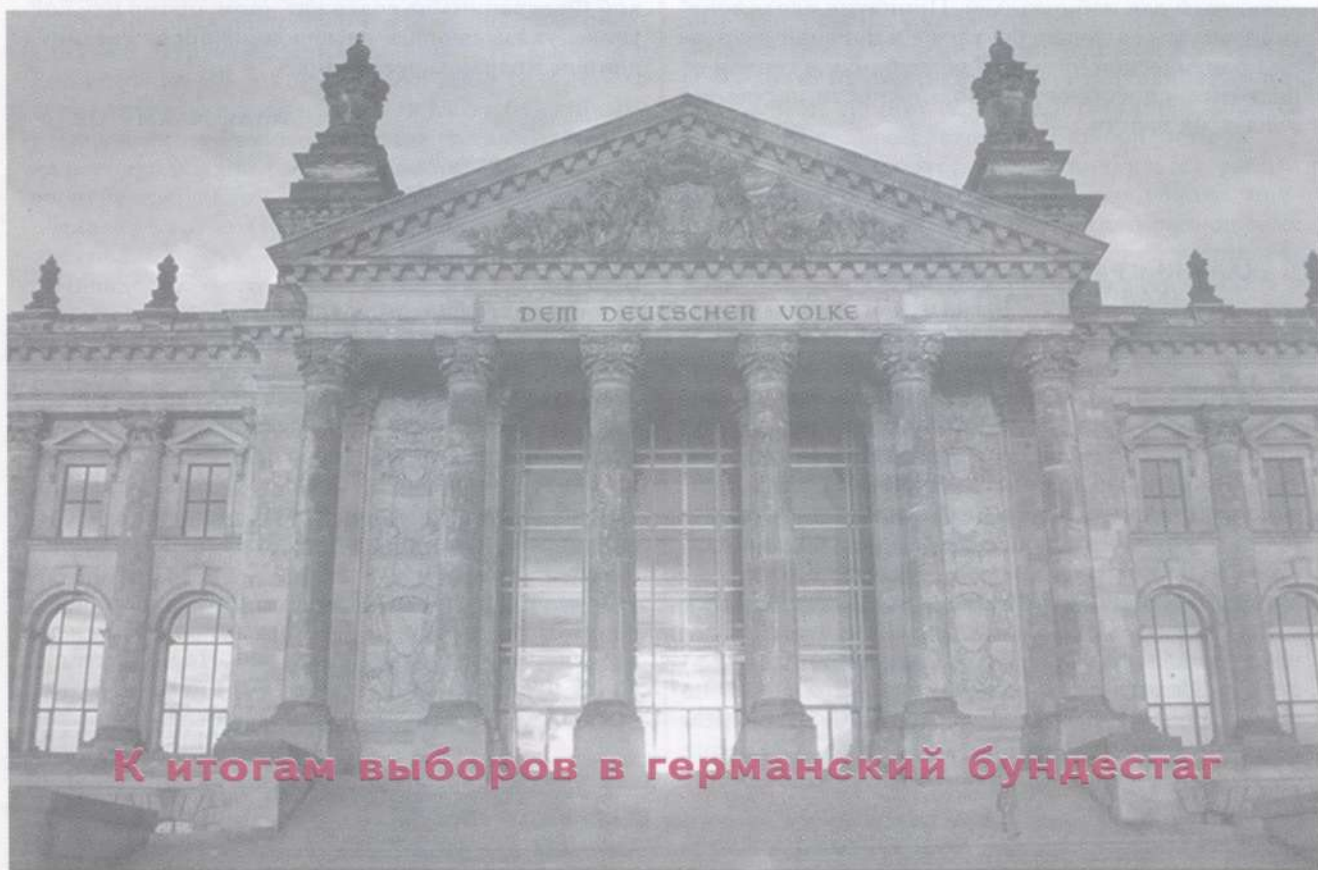

«Красно-зеленые»

22 сентября 2002 года в ФРГ состоялись очередные, пятнадцатые по счету, общенациональные выборы в бундестаг – нижнюю палату германского парламента. Трудно однозначно ответить на вопрос, насколько неожиданными оказались их итоги.

ПОБЕЖДАЮТ

К итогам выборов в германский бундестаг

Кирилл ВЯТКИН, старший научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН

Исторический опыт свидетельствует, что крупная партия, однажды победившая на выборах, продолжала оставаться у власти не менее 13 лет, а избранный канцлер находился на своем посту дольше одного срока (единственным исключением до сих пор являлся христианский демократ К.Кизингер, бывший канцлером ФРГ в 1966–1969 годах и возглавлявший правительство так называемой «большой коалиции» (ХДС/ХСС – СДПГ), оказавшейся уникальным явлением в новейшей истории Федеративной Республики).

Многие наблюдатели говорили о том, что результаты выборов в Германии с большой степенью вероятности могут рассматриваться в русле общеевропейской тенденции смены власти социал-демократов консервативными и либеральными партиями. Действительно, в середине 90-х годов страны Европейского Союза переживали экономический подъем. В этих условиях основной задачей был более справедливый раздел «общественного пирога» путем социальных реформ, который традиционно считался естественным амплуа левых партий. Однако на рубеже десятилетий экономика США, а вслед за ней и Западной Европы, начала переживать заметный спад, предполагающий активизацию усилий по форсированию темпов роста производства путем снижения налогов, что является одним из ключевых элементов экономических программ правых партий.

Никогда ранее итоги выборов в бундестаг не отличались столь разительно от результатов последних земельных выборов. Фактически спасшие прежнюю правительственную коалицию «зеленые» сумели увеличить свой электорат почти на 30%, хотя до этого несли весьма ощутимые потери или даже проигрывали все предшествующие выборы (18 земельных выборов подряд (!), выборы в бундестаг 1998 года, выборы в Европарламент 1999 года). Еще в октябре прошлого года на выборах в Берлинский сенат Партия демократического социализма (ПДС) сумела набрать на востоке больше голосов, чем СДПГ, ХДС, СвДП и «зеленые» вместе взятые, а теперь не смогла преодолеть пятипроцент-

ный барьер и даже получить в том же Берлине три необходимых прямых мандата.

Никогда прежде исход федеральных выборов не оставался столь интригующе неопределенным на протяжении практически всего процесса подсчета голосов. Необычно долгое для немцев время (почти до двух часов ночи) было не ясно, кто именно возглавит новое германское правительство – председатель СДПГ и прежний канцлер Германии Герхард Шредер или же лидер ХДС/ХСС, глава правительства Баварии Эдмунд Штойбер.

Как бы то ни было, правившей до сих пор «красно-зеленой» коалиции (СДПГ – «Союз-90/зеленые») удалось остаться у власти на второй срок. Это означает, что федеральное правительство Германии будет возглавлять социал-демократ Г.Шредер, а вице-канцлером и министром иностранных дел останется лидер партии «зеленых» Й.Фишер.

Несмотря на это, как нам кажется, Г.Шредера нельзя назвать подлинным триумфатором завершившейся избирательной эпопеи. Его оппонент Э.Штойбер заявил, что благодаря тактическому альянсу с «зелеными» Шредер сумел выиграть выборы в бундестаг, но «выборы в стране он проиграл». Факт остается фактом: за крупнейший правый блок ХДС/ХСС и за крупнейшую левую партию СДПГ проголосовало практически одинаковое число избирателей – по 38,5%. В целом по стране, насчитывающей свыше 60 миллионов граждан, обладающих правом голоса, за социал-демократов проголосовало всего лишь на 8864 избирателя больше, чем за христианских и социальных демократов, что не смогло изменить указанного процентного соотношения.

Следует, однако, иметь в виду, что на выборах 1998 года СДПГ набрала 40,9% голосов (и недосчиталась, таким образом, на этот раз 2,4%). Напротив, союзные христианские партии, неизменно выступающие на федеральных выборах единым блоком, заметно улучшили свои позиции по сравнению с прошлыми выборами и смогли прибавить 3,4 процентных пункта.

Другая партия прежней и нынеш-

ней правящей коалиции – «Союз-90/зеленые» – также сумела прибавить 1,9% и набрала в общей сложности 8,6% голосов. За партию свободных демократов (СвДП) отдали свои голоса 7,4% избирателей (+1,2% по сравнению с выборами 1998 года), что оказалось гораздо ниже не только пропагандистки заявленной руководством партии 18-процентной отметки, но и более или менее реалистично ожидавшихся 12 процентов.

Итоговое распределение мест в бундестаге выглядит следующим образом: СДПГ – 251 мандат (–47 мест), ХДС/ХСС – 248 мандатов (+3 места), «Союз-90/зеленые» – 55 мандатов (+8 мест), СвДП – 47 мандатов (+4 места), ПДС – 2 мандата (–34 места).

Таким образом, социал-демократы, несмотря на равное с ХДС/ХСС процентное соотношение полученных голосов, сумели сохранить сильнейшую парламентарную фракцию. Им удалось добиться этого благодаря так называемым «избыточным мандатам» – одной из характерных особенностей избирательной системы ФРГ. Для того, чтобы понять сущность этого явления, сыгравшего фактически ключевую роль в ходе минувшего голосования, необходимо более подробно рассмотреть механизм проведения выборов в Германии.

Федеративная Республика Германия представляет собой парламентарную демократию, где одна из палат парламента – бундестаг – состоит из депутатов немецкого народа, избираемых в ходе всеобщих, прямых, свободных и равных выборов путем тайного голосования сроком на четыре года (статья 38 Основного Закона ФРГ). Принципиальным является закон о выборах 1949 года, который на протяжении существования ФРГ неоднократно менялся посредством других федеральных законов (базовым стал федеральный закон о выборах от 7 мая 1956 года).

Выборы в бундестаг проводятся по избирательным округам, которые после реформы 1996 года были отчасти укрупнены, а их число сократилось с 328 до 299¹. Соответствен-

¹ Выборы 1998 года проводились еще по прежним избирательным округам.

Эдмунд Штойбер (слева)

но, уменьшился и размер депутатского корпуса – с 656 до 598 парламентариев¹. Каждый из новых округов насчитывает в среднем около 250 тыс. жителей. Согласно новому закону, численность жителей отдельного избирательного округа не может отличаться от среднего показателя более чем на 15% (ранее эта цифра составляла 25%).

Новая «нарезка» коснулась отдельных федеральных земель в различной степени. Только две федеральные земли – Шлезвиг-Гольштейн и Баден-Вюртемберг – смогли сохранить прежнее число избирательных округов. Вследствие значительной миграции населения с востока на запад, продолжающейся на протяжении всего периода существования объединенной Германии, восточногерманские земли потеряли непропорционально большое число избирательных округов (на них приходится 14 из 29 ликвидированных округов). В связи с этим реформа болезненно отразилась, в первую очередь, на судьбе ПДС, пользующейся относительной поддержкой исключительно среди бывших граждан ГДР. Во многом из-за слияния восточных и западных избирательных округов некогда разделенного Берлина ПДС смогла получить здесь лишь два прямых мандата вместо прежних четырех, что имело драматические последствия для представительства партии в бундестаге. В то же время в результате реформы в системе координат «север – юг» имело место некоторое смещение числа депутатских мандатов с севера на юг (в северных федеральных землях было сокращено 19 округов, а в южных, где про-

живает примерно половина избирателей, – только 10).

Очевидно, что сокращение числа избирательных округов (и, следовательно, количества прямых мандатов) в большей степени отражается на судьбе крупнейших партий – ХДС и СДПГ. Ведь малые партии (за исключением ПДС²) преимущественно обретают свои мандаты за счет проведения не прямых

кандидатов, а кандидатов по земельным спискам.

В связи с этим нужно отметить еще одну важную особенность избирательной системы ФРГ. Начиная с 1953 года каждый немецкий избиратель имеет два голоса. Первый голос отдается за конкретного кандидата от избирательного округа (прямой кандидат), а второй – за ту или иную партию (земельный список).

В избирательном округе кандидат выбирается прямым голосованием и считается избранным, если собрал относительное большинство голосов (*мажоритарный* принцип). При голосовании по земельным спискам подсчитываются отданные за каждую партию вторые голоса. Важно, однако, что места в парламенте распределяются между партиями *пропорционально* числу отданных за них вторых голосов по системе Харе-Нимайера. Первый шаг этой системы предполагает, что количество вторых голосов, поданных за ту или иную партию в целом по стране, умножается на число депутатских мест (598) и делится на общее число вторых голосов. В ходе второго шага высчитывается распределение общего количества мандатов между 16 земельными партийными списками. Первоначально расчеты основывались на системе бельгийского математика д'Ондта, которая, однако, давала некоторые преимущества крупным партиям. Поэтому начиная с выборов 1987 года было решено перейти на описанную выше систему профессора Нимайера, более выгодную, хотя и в незначительной степени, для мелких партий. Из первоначально установленного таким образом для каждой партии ко-

личества депутатских мандатов вычитается число мест, полученных ею в результате прямого голосования в избирательных округах. Оставшиеся после этого у партии места занимают кандидаты из ее земельного списка в порядке установленной очередности. Получившие прямые мандаты кандидаты при этом не учитываются. Упомянутые выше «избыточные» мандаты могут появиться у партии в том случае, если она в избирательных округах одной земли получает с помощью первых голосов больше мест, чем ей полагается иметь в этой земле по результатам подсчета вторых голосов (соответственно, увеличивается общее число депутатов парламента – в бундестаге пятнадцатого созыва их насчитывается 603).

При распределении мест по земельным спискам учитываются только те партии, которые получили минимум 5% от отданных в федеральной земле действительных вторых голосов (так называемый «пятипроцентный барьер», в общем-то, не свойственный пропорциональной системе выборов) или прямые мандаты как минимум в трех избирательных округах.

Что касается СДПГ, то при распределении мест в парламенте ее прямые мандаты частично трансформировались в «избыточные», обеспечив ей тем самым возможность иметь сильнейшую фракцию в бундестаге. В свою очередь, ПДС, набравшая лишь 4,0% голосов (-1,1%), сумела завоевать в Берлине два прямых мандата и будет представлена в бундестаге двумя депутатами (которые, впрочем, согласно действующему законодательству, не имеют возможности образовать не только парламентскую фракцию, но даже депутатскую группу).

Таким образом, германская система выборов является системой смешанного типа. Некоторые отечественные исследователи определяют ее как мажоритарно-пропорциональную. Однако большинство немецких специалистов предпочитают говорить о «персонализированной пропорциональной системе».

Как известно, последовательно применяемая пропорциональная избирательная система считается спра-

¹ Вслед за сокращением числа депутатов вскоре, вероятно, последует увеличение легислатурного периода до 5 лет. Федеральный президент Й.Рау является сторонником проведения подобной реформы. Большинство федеральных земель (за исключением Бремена, Гамбурга, Гессена, Мекленбурга-Передней Померании и Саксонии-Ангальт) уже осуществили этот шаг в отношении земельных выборов, руководствуясь соображениями целесообразности, поскольку, как показывает практика, в первый и последний год легислатурного периода законодательная деятельность не отличается особой активностью.

² Лишь один раз, в 1998 году, ПДС сумела преодолеть пятипроцентный барьер.

ведливой, поскольку избранный таким путем парламент отражает идейно-политическое многообразие в обществе. Ее очевидный недостаток состоит в том, что она объективно способствует дроблению партий, ни одна из которых не может рассчитывать на парламентское большинство. Добиться при этом правительственного большинства зачастую сложнее, чем при чисто мажоритарной системе, следствием которой, как правило, является двухпартийная система.

Именно для того, чтобы уменьшить опасность раздробленности, которую таит в себе система пропорциональных выборов, в ФРГ перед вторыми выборами в бундестаг в 1953 году и был введен пятипроцентный барьер.

Следует оговориться, что этот принцип не действует в отношении тех партий, которые получают прямые мандаты минимум в трех избирательных округах или представляют национальное меньшинство (например, датское меньшинство в Шлезвиг-Гольштейне или лужицких сорбов в Саксонии). Он способствовал стабилизации и сокращению числа представленных в парламенте мелких партий. Так, например, в первом немецком бундестаге в 1949 г. было представлено 12 партий. Однако уже три законодательных периода спустя, с 1961 по 1983 год, в парламенте ФРГ было только четыре партии (ХДС, ХСС, СДПГ, СвДП), сформировавшие три парламентские фракции (ХДС и ХСС образуют единую фракцию). В 70-е годы две крупнейшие партии ФРГ (СДПГ и ХДС/ХСС) замыкали на себе около 90% голосов избирателей.

Впрочем, в начале 80-х годов период стабильности, граничившей с застоем партийно-политического ландшафта, закончился. С появлением «зеленых» в бундестаге после выборов 1983 года число парламентских партий увеличилось до пяти. Начиная с первых общегерманских выборов 1990 года благодаря прямым мандатам в бундестаге представлена также ПДС. Две крупнейшие партии ФРГ пользуются теперь поддержкой лишь троих из четырех избирателей (а не 9 из 10, как прежде).

За маргинальные группы, имеющие незначительные шансы на парламентское представительство, голосует в среднем около 6% население

(а не 1%, как в 70–80-е годы).

Наряду с введением пятипроцентного барьера принципиальное значение, как было отмечено выше, имеет тот факт, что немецкий избиратель обладает вторым голосом, предоставляющим ему возможность выразить свою поддержку той или иной партийной коалиции. Нередко бывает так, что традиционные избиратели крупной партии отдают свои вторые голоса малой партии, которая, по их мнению, желательна в качестве партнера по коалиции. Как правило, именно эти вторые голоса приобретают принципиальное значение для преодоления малой партии пятипроцентного барьера и для соотношения сил в бундестаге. Иными словами, этим не только обеспечивается прохождение малой партии в бундестаг, но и одновременно ее традиционные избиратели переходят в стан сторонников возможного коалиционного правительства.

В годы правления христианско-либеральной коалиции (1982–1998) ХДС и СвДП активно использовали эту особенность избирательной системы, делая ставку на «тактическое» мышление немецкого избирателя. Рассчитывая на обретение «избыточных» мандатов, ХДС в ходе избирательных кампаний нередко призвал своих сторонников отдать первый голос за прямого демократа, а второй – за земельный список СвДП. Таким образом, с одной стороны, обеспечивалась достаточно высокая доля прямых мандатов для ХДС, а с другой – консервативный избирательный потенциал мобилизовывался для сохранения христианско-либеральной коалиции. Так, например, на выборах 1994 года (последний законодательный период данной коалиции) 63% тех, кто проголосовал за СвДП, отдали свой голос либералам исключительно из тактических соображений, на самом деле являясь сторонниками ХДС.

Аналогичная ситуация сложилась и в ходе нынешних выборов. В частности, «зеленые», с самого начала кампании четко обозначившие курс на сохранение коалиции с СДПГ, в

Герхард Шредер (в центре)

итоге заметно выиграли от ведения предвыборной борьбы в едином лагере с социал-демократами. Собственно, учитывая негативное отношение Э.Штойбера к партнерству с «зелеными», у них и не было другого выбора – в отличие от СДПГ, пытавшейся до последнего момента сохранить открытой возможность образования коалиции со свободными демократами. В результате на выборах 22 сентября около 490 тыс. сторонников СДПГ отдали свой второй голос за партию Й.Фишера с единственной целью – сохранить прежнее коалиционное правительство.

Напротив, другая малая партия, СвДП, так и не сумела привлечь на свою сторону «заемные» голоса традиционных консервативных избирателей. Более того, 20 тыс. сторонников либералов проголосовали на этот раз за ХДС/ХСС. Одна из вероятных причин такого поведения избирателей как раз и состоит в том, что руководство СвДП отказалось в ходе нынешней предвыборной кампании связывать себя какими бы то ни было коалиционными обязательствами (и, прежде всего, в пользу христианских демократов, открыто заявлявших о желательности такого союза).

Другая, несомненно более весомая причина заключается, видимо, в том, что лидеру партии Г.Вестервелле так и не удалось найти в ходе кампании убедительный ответ на вопрос о будущем социального государства. Вместо этого в предвыборных речах «кандидата на пост канцлера»¹ на разные лады звучала мысль: тот, кто молод, здоров и пользуется благами социального государства, должен, в свою очередь, вносить ответный вклад – лозунг, под которым подписались бы многие политики из рядов

¹ Свободные демократы действительно номинировали своего председателя в качестве кандидата на пост канцлера, но, по сути, это было рассчитано исключительно на внешний эффект, поскольку претендент от «младшего партнера» по коалиции, каковым в любом случае только и могла стать СвДП, не имеет в ФРГ никаких шансов возглавить коалиционное правительство.

ПДС. От партии, которая неизменно рекламирует себя в качестве наиболее компетентной в хозяйственно-экономической области, избиратели, как оказалось, напрасно ожидали вразумительных ответов на такие важные вопросы, как дисбаланс возрастной структуры общества или, например, социально справедливая реформа системы здравоохранения.

Правда, либералам удалось привлечь на свою сторону часть сторонников СДПГ: 350 тыс. избирателей, проголосовавших в 1998 году за СДПГ, сделали на этот раз свой выбор в пользу свободных демократов.

СДПГ вообще оказалась по итогам минувших выборов самым крупным «донором», что, конечно же, отнюдь не свидетельствует в пользу ее предвыборной стратегии. Согласно исследованию германского института по изучению общественного мнения Infratest Dimar, социал-демократы потеряли в общей сложности 1 млн. 750 тыс. голосов. В наибольшей степени от этого выиграл ХДС, которому досталась львиная доля утраченного СДПГ электората – 1 млн. 180 тыс. голосов избирателей, голосовавших в 1998 году за партию Г.Шредера.

Единственным исключением, с точки зрения социал-демократов, оказалась ПДС, 310 тыс. избирателей которой на этот раз проголосовали за СДПГ. Как оказалось, электоральное поведение значительной части бывших сторонников ПДС практически не отличается от поведения избирателей в новых федеральных землях в целом: они очень сильно ориентированы на лидеров партий, их предпочтения в большой степени обусловлены тактическими соображениями. Для большинства людей на востоке страны лидер оппозиции Э.Штойбер так и остался чужаком. Тот, кто не желал видеть его на посту федерального канцлера, делал вполне естественную ставку на СДПГ, во главе которой стояла такая яркая личность, как Г.Шредер. После ухода из политики бывшего многолетнего лидера ПДС Г.Гизи, одного из самых незаурядных германских политиков последнего десятилетия, у этой партии таких личностей не осталось. Итоги прошедших выборов несомненно подтвердили тот факт, что без Г.Гизи ПДС оказалась перед реальной угрозой трансформации в достаточно бесцветную партию функционеров, обреченную в среднесрочной перспективе на уход в политическое небытие.

Что касается консервативного блока ХДС/ХСС, то ему удалось не только избежать отторжения «своих» голосов в пользу политических конкурентов, но и привлечь на свою сторону дополнительно 1 млн. 390 тыс. избирателей, подавляющее большинство которых, как уже отмечалось, составляли прежние сторонники СДПГ. Более того, 60 тыс. граждан, проголосовавших в 1998 году за ПДС, на этот раз отдали свои голоса консерваторам.

В этой связи заслуживает внимания гендерный анализ электоральных предпочтений немецких избирателей. Интересен, к примеру, тот факт, что христианские демократы смогли набрать дополнительные процентные пункты преимущественно среди мужской части избирателей (6%). Напротив, популярность СДПГ среди мужчин снизилась на 5%. Что же касается избирательных предпочтений женского электората, то здесь изменения оказались минимальными.

Вообще, следует отметить, что в последнее время «женский фактор» играет в Германии весьма существенную роль. В ФРГ женщины составляют большинство избирателей (31,9 млн. человек, что на 2,9 млн. больше, чем избирателей-мужчин). Поэтому электоральные предпочтения женской части германского населения имеют весомое значение. Сегодня значительная часть молодых немецких женщин голосует за «зеленых». Согласно данным социологического института Empid, в группе 18–24-летних за партию Й.Фишера голосуют 32% женщин. Характерно при этом, что избиратели-женщины, как правило, оказываются противницами всякого рода экстремизма. Такие праворадикальные партии, как Немецкий народный союз (DVU) или Национал-демократическая партия Германии (NPD), и даже относительно умеренная гамбургская «Партия Шилля» (Schill-Partei) не могут рассчитывать на сколько-нибудь весомую поддержку среди женской части населения ФРГ. Что касается депутатского корпуса, то из 603 парламентариев бундестага нового созыва 190 – женщины, что составляет 31,5% (в 1949 году все начиналось с доли в 6,8%).

Немалый интерес представляет анализ географического и социального распределения голосов, поданных за отдельные партии. Христианские демократы набрали дополнительные очки преимущественно в западных федеральных

землях (3,8%). А вот в четырех из пяти новых федеральных земель, несмотря на восточногерманское происхождение своего председателя Ангелы Меркель и успешный менеджерский опыт одного из наиболее влиятельных демохристиан Лотара Шпэта, ХДС получил меньше голосов, чем на выборах в «провальном» для консерваторов 1998 году.

В то же время СДПГ потеряла на западе страны 4%, сумев, правда, компенсировать эту потерю на востоке дополнительными 4,6%. При этом наиболее существенный «урон» в западных федеральных землях социал-демократы понесли именно в рабочей среде (–5%) и особенно среди наемных работников, организованных в профсоюзы (здесь потери составили целых 7%). Напротив, ХДС/ХСС добился наибольшего успеха именно среди этих категорий избирателей (в среднем прирост составил около 8%).

Очевидно, это вполне закономерный результат, учитывая, что в стране царит хронически высокая безработица, уровень которой практически на протяжении всего легислатурного периода колебался вокруг психологически критической отметки в 4 млн. человек. Несмотря на то, что правительство Г.Шредера пошло гораздо дальше, чем правительство Г.Коля, в таких, например, областях, как снижение налогов и стоимости труда, канцлеру не удалось получить достаточный кредит доверия, поскольку ни одно из нововведений не оказало позитивного влияния на уровень занятости в стране.

В свою очередь, профсоюзы практически с самого начала встретили в штывы попытки Г.Шредера либерализовать рынок труда. К.Цвикель, лидер одного из крупнейших профсоюзов «ИГ Металл», Д.Шульте, бывший руководитель Объединения немецких профсоюзов (DGB – ДГБ), М.Зоммер, его преемник на этом посту, – все они серьезно критиковали правительство в ходе предвыборной кампании за чрезмерную, по их мнению, радикальность реформ. В результате, если в 1998 году ДГБ выделило СДПГ на ведение избирательной кампании около 4 млрд. евро, то в 2002 году эта сумма оказалась существенно ниже. Нельзя исключать того, что профсоюзные лидеры, решившие положить конец «сползанию» СДПГ на так называемый социально-экономический «третий путь» в духе Б.Клинтона и Т.Блэра, сочли в качестве наиболее при-

емлемого варианта обречь Г.Шредера на поражение на выборах и обеспечить в течение четырех лет оппозиции полноценное возрождение левого крыла партии (которое долгое время вплоть до своей отставки в 1998 году олицетворял О.Лафонтен).

Обобщая вышеприведенные данные, можно сделать вывод: СДПГ сумела довольно успешно мобилизовать свой восточногерманский потенциал, последовательно внедряя в сознание граждан бывшей ГДР свою картину демократических и социально-рыночных отношений. С этой точки зрения ставка оказалась верной: опыт трех предыдущих общегерманских выборов свидетельствовал о том, что правящей становилась та партия, чей кандидат на пост канцлера добивался большей популярности на востоке страны (в 1990 и 1994 годах это был Г.Коль, а в 1998 году – Г.Шредер). В целом это свидетельствует о том, что некогда существовавшие порознь западная и восточная части ныне формально единого государства становятся все более схожи друг с другом.

Ничто не смогло бы, видимо, столь убедительно продемонстрировать прогресс в преодолении раскола между Западной и Восточной Германией, как факт маргинализации ПДС¹. Каждый пятый избиратель на следствии гэдээровской СЕПГ в новых федеральных землях на этот раз отказал ей в поддержке, как бы давая понять, что так называемая «региональная партия Востока» больше не нужна в бундестаге, что его интересы в полной мере могут быть представлены другими партиями, прежде всего – СДПГ. Конечно, свою роль здесь сыграл и тот факт, что в период наводнения минувшим летом, наиболее катастрофического именно на востоке Германии, Г.Шредер проявил свои лучшие качества государственного руководителя – умение принимать правильные решения в чрезвычайных условиях и держать ситуацию под контролем. В то же время его четкая и истолкованная многими как «антиамериканская» позиция по Ираку в последний момент лишила ПДС имиджа единственной «антимилитаристской» партии ФРГ. Вольно или невольно, СДПГ удалось поэксплуатировать отнюдь не безуспешно на-

*Г.Шредер
уже успел
зарекомендовать
себя на посту
канцлера как
политик, умеющий
«держат удар»
и способный
принимать
неординарные
решения
в кризисных
ситуациях*

саждавшееся на протяжении 40 лет существования ГДР неприятие многими восточными немцами того, что именуется «американским образом жизни». Фактически партия сумела извлечь электоральную выгоду из настроения, порожденного неожиданным слиянием «антиимпериализма» в духе ГДР и глубоко укорененного антиамериканизма западногерманских левых.

Вместе с тем итоги выборов стали красноречивым подтверждением растущей дивергенции между севером и югом Германии. На юго-западе и юго-востоке страны заметно лидирует ХДС (и это без учета баварского «спецеффекта» ХСС), а на северо-западе и северо-востоке – СДПГ. Оказалось, что в партийно-политическом отношении юг бывшей ГДР (такие земли, как Тюрингия, Саксония) ближе западным Баден-Вюртембергу и Гессену, нежели восточным Саксонии-Ангальт или Бранденбургу.

Характерно, что новый водораздел в поведении избирателей примерно совпадает с линией размежевания между относительно более высоким и относительно более низким уровнем благосостояния граждан соответственно южных и северных регионов страны. На севере Германии расположены более слабые в структурном отношении федеральные земли, а на юге – экономически более сильные и стабильные. Темпы

экономического роста на севере (за исключением ганзейского города-земли Гамбурга) ниже, а уровень безработицы и задолженности на душу населения – выше. В пределах бывшей ГДР именно южные федеральные земли (уже упомянутые выше Тюрингия и Саксония) в целом более успешно и эффективно осуществляют переход от плановой экономики к социально рыночному хозяйству. И это, опять-таки, отчасти объясняет тот факт, что в сознании граждан северных регионов глубже укоренилась философия, заставляющая их рассчитывать на государственные меры, в частности, по трудоустройству, тогда как жители южных регионов привыкли больше опираться на собственные силы.

При всей условности подобного сравнения вырисовывается картина, в рамках которой СДПГ все больше обретает облик некоего социального попечителя, занимающегося на севере страны распределением средств, которые заработаны на юге. Очевидно, что тенденция превращения СДПГ в невольного инспиратора социального дисбаланса в обществе может лишь усилиться за счет возросшей интеграции бывшего электората ПДС и, будучи оставленной без внимания партийными стратегами, оказаться роковой для партии в долгосрочной перспективе.

Видимо, партию Г.Шредера ожидают нелегкие времена. Настроение в рядах ХДС/ХСС демонстративно приподнятое. Вскоре после выборов Э.Штойбер поспешил заявить, что «красно-зеленое» правительство не продержится больше года. Очевидно, это обычное преувеличение публичного политика. Тем не менее христианские демократы явно настроены на жесткое оппонирование «по всем фронтам». К тому же они полагают, пусть и минимальным, преимуществом голосов в бундесрате – палате земель, чье одобрение необходимо примерно для 2/3 федеральных законов. И все же Г.Шредер уже успел зарекомендовать себя на посту канцлера как политик, умеющий «держат удар» и способный принимать неординарные решения в кризисных ситуациях. Удастся ли ему достойно преодолеть надвигающиеся трудности, покажет время.

¹ Речь идет о федеральном уровне. На земельном и коммунальном уровнях, где избиратель традиционно руководствуется иной политической логикой, ПДС по-прежнему остается влиятельной силой, насчитывая около 80 тыс. членов (для сравнения: «зеленые» имеют 46 тыс., а СвДП – 65 тыс.). Вскоре после неудачных для партии выборов ее ряды пополнили около 350 новых членов, преимущественно молодежь, что оказалось на порядок больше числа тех, кто вышел из ПДС.